

Чжао Ци остался в Нинчэне, лично надзирая за тем, как городская управа вершит расправу над семьей Ло. Фань Линь, его двоюродный брат, целыми днями пропадал в поисках пропавшего кузена, почти не видясь с родственником. Наблюдавший за всем со стороны Юань Цзин отметил про себя, что племянник выказывал госпоже Фань куда больше преданности и душевного тепла, чем её собственный сын.

Развязка для семьи Ло наступила быстро. Чиновник Сунь подготовил целый ворох обвинений — и нельзя сказать, чтобы они были беспочвенны. За каждым торговцем такого размаха тянулся шлейф грехов, на которые власть раньше закрывала глаза за щедрые подношения. Теперь же, под давлением из столицы, пощады не было: всё семейство приговорили к ссылке.

Под вопли и стенания их погнали по этапу в далекие края. Ло Юнхай и госпожа Ло даже в кандалах не переставали осыпать друг друга проклятиями. Муж винил жену в том, что она подтолкнула его отдать Ло Юаньцзина евнуху, та же в ответ кричала, что отец сам принял это решение, не дрогнув сердцем. Однако в душе Ло Юнхая еще теплилась слабая надежда на того ребенка, что сейчас жил в роскоши резиденции хоу. Неужели родная кровь, ставшая столь влиятельной, оставит отца гнить в ссылке? Он грезил о дне, когда Чжао Хань явится и вызовет его из этой бездны.

Когда с делами в Нинчэне было покончено, Чжао Ци сделал всё, чтобы выглядеть в глазах матери почтительным сыном, и та наконец согласилась вернуться в столицу. Прощаясь с племянником, госпожа Фань сокрушалась, глядя, как тот осунулся и почернел от дорожной пыли за время поисков.

— Это я виновата, Линь-эр, что заставила тебя так измучиться, — вздохнула она, ласково сжимая его руку. — Твой двоюродный брат оставил здесь людей, да и чиновник Сунь обещал содействовать. Возвращайся с нами в столицу.

Фань Линь, обшаривший все деревни в округе, в глубине души уже не надеялся найти кузена живым, но не смел расстраивать тетюшку.

— Я слушаюсь вас, тетя, — мягко ответил юноша. — Верю, что брат под защитой небес и однажды обязательно вернется к вам.

Госпожа Фань улыбнулась, смахивая слезу. Она знала, что слова племянника — чистая правда: её дитя действительно хранили боги, и оно уже было рядом.

Вскоре процессия покинула Нинчэн. Чиновник Сунь вздохнул с облегчением — поручение наследника хоу было исполнено, и его карьере больше ничего не угрожало.

Фань Линь не питал неприязни к новому «названому сыну» своей тети. Ему было достаточно того, что её здоровье пошло на поправку, а доктор Юань действительно творил чудеса своими

снадобьями. В пути он часто беседовал с Юань Цзином. Будучи ученым, уже сдавшим экзамен на звание туншэна, племянник с изумлением обнаружил, что эрудиция лекаря ничуть не уступает его собственной. Глядя, как Юань Цзин наставляет Сяо Минъюя и обучает Чжан Чжи тонкостям медицины, он проникался к собеседнику всё большим почтением и позже не раз хвалил выбор тетушки перед родными.

Госпожа Фань слушала это с тайной гордостью. Она бесконечно благодарила покойного учителя своего сына — если бы не те знания, что он вложил в Юань Цзина, тот вряд ли смог бы выбраться из логова семьи Ло.

В дороге между матерью и сыном не возникало размолвок, но едва они достигли столицы, старые противоречия вспыхнули с новой силой. Госпожа Фань наотрез отказалась возвращаться в резиденцию хоу Хуайюань. У неё была собственная резиденция, доставшаяся в приданое, и она велела Фань Линю сопровождать её именно туда. Там давно жили верные слуги, так что проблем с устройством не возникло.

Чжао Ци был вне себя от гнева. Ему стоило больших трудов уговорить мать вернуться, а теперь она снова проявляла упрямство. Он не мог силой заставить её переступить порог отцовского дома — стоило людям увидеть такое, и цензоры вмиг завалили бы трон жалобами на его сыновнюю непочтительность. Наследнику оставалось лишь отправить весть отцу, надеясь, что тот найдет способ переубедить госпожу Фань.

Едва устроившись на новом месте и даже не дождавшись людей из резиденции хоу, госпожа Фань взяла Сяо Минъюя, одетого в наряд шуаньэр, и отправилась к князю Дуаню. Фань Линя она отправила домой — тот и так из-за её дел забросил учебу.

— Не волнуйся, Линь-эр, — сказала она на прощание. — Передай отцу, что я нашла себе надежную опору. Каким бы великим ни возомнил себя Чжао Дэчан, теперь он не посмеет и пальцем меня тронуть.

Юноша не понимал, о какой опоре идет речь, но поспешил исполнить наказ. Тетушка рассорилась с мужем, и его отец должен был знать об этом, чтобы защитить её от притеснений.

Юань Цзин сопровождал Сяо Минъюя, пока тот до времени скрывался в экипаже. Из рассказов матери он уже знал, что обстановка в резиденции князя Дуаня, как и личность самого хозяина, описывалась одной фразой — «словами не передать».

Когда-то князь Дуань души не чаял в своей супруге, но это не мешало ему наполнять поместье красавицами. Если бы не твердая рука княгини, пресекавшей интриги, толпа бастардов наводнила бы дом еще до рождения Сяо Минъюя. Долгожданный законный наследник появился лишь на восьмом году брака, и эта поздняя беременность окончательно подорвала силы матери. После её смерти в резиденции воцарился хаос: наложницы, лишившись надзора, превратили дом в змеиное гнездо. Князь же, предпочитая не вмешиваться, позволил им зайти слишком далеко. Устранив Минъюя, они надеялись расчистить путь к титулу для своих сыновей.

Лишь после исчезновения единственного законного наследника князь Дуань осознал масштаб беды. Он жестоко наказал виновных, сослав зачинщиц в глухие деревни без права возвращения, но сына найти так и не смог.

Зная об этом, Юань Цзин решил вернуть мальчика. Было очевидно, что князь, при всех своих недостатках, всё же дорожил ребенком.

В карете Сяо Миньюй сидел мрачнее тучи. Перспектива возвращения в этот гадюшник не радовала его, а мысль о разлуке с Юань Цзином и вовсе лишала покоя. Мальчик буквально излучал холод, так что даже Чжан Чжи поспешила выбраться наружу.

Юань Цзин мягко коснулся его головы:

— Ты ведь не в клетку возвращаешься. Сможешь навещать нас, когда захочешь. К тому же, нам с матерью очень нужен покровитель, чтобы усмирить хоу Хуайюаня.

Сяо Миньюй сердито сверкнул глазами:

— Так я для тебя просто щит?

Юань Цзин рассмеялся, видя его напускную суровость:

— Не забывай упражняться каждый день. Помни: лучше полагаться на себя, чем на других. Только став сильным, ты заставишь любые интриги рассыпаться в прах.

Мальчик, познавший цену бессилия в подземельях евнуха, серьезно кивнул.

— Я стану вашей опорой, — пообещал он, стараясь говорить веско, как взрослый.

Юань Цзин не удержался и щелкнул его по носу, вызвав возмущенное сопение.

У ворот резиденции госпожа Фань назвала своё имя. Князь Дуань, коротавший дни в хмельном забвении, сначала не хотел никого видеть, но, вспомнив, что госпожа Фань была близкой подругой его покойной жены, велел:

— Я сам её встречу.

Он слышал о скандале в доме хоу и решил, что ради памяти супруги окажет гостье поддержку.

Князь, вышедший к воротам, оказался заметно полнее, чем помнила госпожа Фань — без женского надзора он совсем распустился.

— Госпожа Фань приветствует князя Дуаня.

— Как поживаете? Проходите в дом, побеседуем, — добродушно отозвался князь.

— Погодите, ваше высочество. Я пришла, чтобы представить вам одного человека. Юань Цзин, выходите.

Юань Цзин взял Сяо Миньюя за руку и помог ему выйти из экипажа. Князь Дуань, ожидавший увидеть какую-нибудь красавицу, замер. Его дыхание перехватило. С быстротой, никак не вязавшейся с его грузным телом, он бросился вперед:

— Миньюй? Это ты? Сын мой, ты вернулся к отцу?!

В душе мальчика боролись гнев и жалость. Отец любил его, это было правдой, но именно его слабование стало причиной всех бед. Сяо Миньюй стоял неподвижно, с брезгливостью глядя, как князь заливаётся слезами.

— Надеюсь, ваше высочество извлекли урок и впредь будете строже к домочадцам, — мягко заметил Юань Цзин, подталкивая мальчика вперед. — Ваше воссоединение — великая радость.

Сяо Миньюй, видя рыдающего отца, наконец буркнул:

— Вытри лицо. Выглядишь жалко.

— Ха-ха! Это точно он! Мой сын вернулся! — Князь разрыдался еще пуще. Слуги стояли как громом пораженные: неужели маленький господин жив? Но почему он в платье шуаньэр? Впрочем, стоило им всмотреться в черты лица и услышать эту характерную манеру говорить, как сомнения отпали.

Сяо Миньюй не позволил отцу обнять себя, лишь велел слугам забрать вещи. Юань Цзин спрыгнул на землю следом. Госпожа Фань тихо шепнула сыну:

— Я же говорила, что князь Дуань человек отходчивый.

Юань Цзин лишь покачал головой. В сравнении с хоу Хуайюанем князь Дуань казался почти святым, хотя и обладал массой нелепых черт.

Князь, не обращая внимания на холодность сына, уже всю распоряжался:

— Объявите всем: наследник вернулся! И велите готовить карету. Я немедля еду во дворец, чтобы выхлопотать для Миньюя официальный титул. Отныне он — маленький князь этого

дома!

Слуги, сохранившие верность, ликовали. Те же, кто успел переметнуться к наложницам, надеясь, что Сяо Миньюй сгинул навсегда, побледнели от страха. Весть о возвращении законного сына мгновенно разлетелась по дворам резиденции, сея панику среди обитательниц задних покоев.

Уже в главном зале Юань Цзин достал платок, смоченный особым составом, и осторожно стер красную метку со лба Сяо Миньюя. Теперь перед слугами предстал не шуаньэр, а настоящий мальчик — их господин.

— Простите нам эту хитрость, ваше высочество, — пояснила госпожа Фань. — Нам нужно было благополучно доставить его в столицу, не привлекая лишнего внимания.

Князь, сияя от счастья, замахал руками:

— Какая разница! Я бы узнал его из тысячи, с меткой или без. Сын мой, сколько же ты вытерпел...

Снова потекли слезы. Юань Цзин отметил, что слезные протоки князя работают лучше, чем у любой женщины. Сяо Миньюй закатил глаза:

— Я уже здесь, хватит сырость разводить. Матушке бы это не понравилось.

— Правда? — Князь осекся и немедленно потребовал платок. — Живо, платок мне! Сын прав, я не должен плакать.

Пока он сражался с чувствами, в зал ворвался аромат пудры и благовоний. Женщины резиденции — не одна и не две, а целая толпа — явились посмотреть на вернувшегося наследника. Но едва они увидели Сяо Миньюя, как в их глазах отразился неподдельный ужас. Им не нужны были доказательства — это лицо, точная копия покойной княгини, говорило само за себя. В их душах закипела ядовитая досада: почему он не сдох где-нибудь в канаве? Теперь их собственные сыновья навсегда останутся в тени.

Сяо Миньюй, заметив их взгляды, холодно улыбнулся:

— Что, не чаяли увидеть меня живым? Не очень-то вы рады, я погляжу.

Женщины в испуге воззрились на князя, и тот, видя их замешательство, вскипел:

— Прочь! Кто звал вас сюда? Ступайте в свои покои и не смейте носа показывать без моего приказа!

— Но ваше высочество... — запричитали они, надеясь на привычную мягкость мужа. Но сейчас Сяо Миньюй был для него дороже всех сокровищ мира.

— Я сказал — вон! Выведите их!

Когда за наложницами закрылись двери и воздух в зале стал чище, госпожа Фань серьезно обратилась к хозяину:

— Ваше высочество, не могли бы ваши люди оставить нас? Есть дела, которые мы должны обсудить с глазу на глаз.

Князь Дуань мгновенно посерьезнел. Он велел всем выйти, приказывая доверенному евнуху встать на страже у входа. Наступило время узнать, в какой преисподней его сын провел этот бесконечный год.

— Ваше высочество, вероятно, знает, зачем я покидала столицу в этот раз, — начала госпожа Фань. — Молодой господин Миньюй — тот самый человек, с которым я столкнулась в Нинчэне. Его спас мой названный сын из резиденции Лю Фу в Цзянчэне.

<http://bllate.org/book/15835/1506227>